

Юрий Годин

НЭП для РОССИИ

РОССИИ ТРЕБУЕТСЯ НОВЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛЬНО
ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

На фото: Вячеслав Константинович Сенчагов

В

се мы желаем жить как в Швеции, Дании, Германии, Норвегии и других европейских странах с социально ориентированной рыночной

экономикой или как в передовых азиатских государствах: Японии, Южной Кореи, Гонконге и Сингапуре. Социально ориентированный характер реформ в этих странах, как объединяющая идея при исторически выработанной готовности населения этих стран работать на общие цели, имел огромное консолидирующее влияние. Именно он и предопределил быстрый рост не только благосостояния людей, но и повышение политического влияния этих государств на мировой арене.

Наша страна пережила много экономических реформ, но мы так и не зажили по-людски как в других цивилизованных странах. При наличии самой богатой в мире природно-ресурсной базы Россия не вылезает из кризисов, а народ ежегодно испытывает психологический шок от роста коммунальных тарифов, которые разгоняют пресловутую инфляцию и повышение розничных цен на жизненно-необходимые товары. А ведь по Конституции РФ (Статья 9), земля и другие природные ресурсы, данные нам от Бога, составляют основу жизни и деятельности россиян, но почему-то пользуется этим правом тысячная доля населения страны! Попробуем выяснить, почему мы не живем как в выше указанных странах, а для этого поставим наш диагноз России и проанализируем обстоятельства, при которых может реализоваться Статья 7 Конституции РФ, которая гласит: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

ПОЧЕМУ СЕГОДНЯ НАС ИНТЕРЕСУЕТ ЭКОНОМИКА?

Постсоветская Россия пережила три экономических и финансовых кризиса и до сих пор испытывает системный кризис. Первый из них мы начали переживать в начале 1990-х гг., когда у

нас развернулось ускоренными темпами воплощение неолиберальной экономической модели монетаристского типа в рамках рекомендованной из-за океана концепции «Вашингтонский консенсус», а с 1999 г. (после дефолта России в 1998 г.) – «Пост-Вашингтонского консенсуса». В результате использования методов «шоковой терапии» в стране произошел обвал всей системы воспроизводства и жизнедеятельности большинства населения.

Финансовый кризис 1998 г (дефолт) привел к девальвации российского рубля; тогда пострадало все население России и ее экономика.

Финансовый кризис 2008-2009 гг. обескровил отечественную экономику, серьезно сократил валютные резервы, привел к обвалу темпов экономического роста (падение ВВП в 2009 г. составило 7,8%, что превысило вдвое американские показатели и примерно вшестеро общемировые), поставил национальную экономику на грань пороговых значений экономической безопасности страны.

От силы кризиса и его последствий, как правило, зависит объем выводимых из страны финансовых средств. Так, в 1998 г. величина чистого оттока капитала из России составила 21,7 млрд руб., а в 2008 г. – 133,7 млрд долларов.

В России на борьбу с кризисом 1998 г. и его последствиями было изъято из международных резервов и потрачено 7,7 млрд долл., на преодоление кризиса 2008-2009 гг. была затрачена сумма в размере 212,8 млрд долларов.

Характерная черта всех российских кризисов заключается в том, что они происходят в условиях внутреннего перманентного системного кризиса. Главными его признаками можно считать превалирование политики над экономикой, а в странах с рыночной экономикой должно быть наоборот. По определению ушедшего от нас академика РАН Никиты Моисеева, «системный кризис проявляется тогда, когда государственный аппарат не имеет целей обеспечить благополучие и развитие государства, а стремится лишь обеспечить собственную стабильность». В течении более двух

десятков лет мы наблюдаем явное преобладание над целями развития, преобладание личных целей высшей чиновничьей бюрократии и приближенных к власти олигархических групп. Они стремятся любыми способами остаться на вершине властной и экономической пирамиды.

Сегодня мы наблюдаем усугубление системного кризиса в связи с дальнейшим укоренением олигархического капитализма, сформировавшегося в России в ходе ельцинско-гайдаровских реформ.

В своей книге с шокирующим названием «Мир без России» Евгений Примаков констатирует, что у нашей страны нет будущего, если не будут ликвидированы условия доминирования олигархического капитализма, в рамках которого запущен маховик системного кризиса. По его характеристике, «олигархия – это не просто крупные предприниматели, которые в считанные годы заработали огромное состояние далеко не коммерческими путями, а используя установившиеся личные отношения с властью или с семьей того, кто был на ее вершине. Олигархами стали называть в России тех, кто не довольствуясь своим положением в экономике, практически заправлял делами в государстве, назначал своих людей на командные позиции, оказывал серьезное влияние на законотворческие и нормотворческие процессы».

Приближение очередного кризиса, о котором сегодня говорят в открытую и в России, и за рубежом, обостряет интерес ученых, политиков, писателей, журналистов и широких слоев населения к нашему недавнему прошлому, к более глубокому пониманию экономической истории страны, к изучению фундаментальных основ ее развития. Нас, естественно, интересует один и тот же вопрос: «Кто же среди отечественных специалистов-экономистов может предложить реальный план спасения страны от напастей предстоящего кризиса?» Таких оказывается совсем немного. Среди них, как представляется, следует назвать Вячеслава Константиновича Сенчагова. Он крупный теоретик в

сфере финансовой экономики, денежно-кредитных отношений, непосредственный участник и ключевой управленец по ценовой политике в правительственных структурах времен горбачевской перестройки; в постсоветской России – желанный эксперт многих высших государственных органов (Совет безопасности, Федеральное Собрание, Счетная палата и др.), многолетний руководитель (с 1995 г.) Центра финансово-банковских исследований (ныне Центр финансовых исследований) Института экономики Российской Академии наук.

На основе своих многолетних научных исследований и практической деятельности Сенчагов предлагает меры по преодолению олигархического капитализма, активному использованию преимуществ социализма и капитализма, раскрывает основные экономические параметры и финансовые инструменты, необходимые для формирования новой, социально ориентированной модели экономики в современной России. Его творческие мысли и рекомендации содержатся в предлагаемой читателю книге.

С нашей точки зрения, книга В.К. Сенчагова «Экономика, финансы, цены: эволюция, трансформация, безопасность» (М. Институт экономики РАН, Анкил, 2010. 1120 стр) интересна тем, что автор подготовил объемный научный труд, отражающий его творческую жизнь через призму дискуссионных проблем советской и российской экономики 1970-2009 гг. Он дал критическую оценку сущности моделей экономических реформ в промышленно развитых странах, проанализировал особенности реформирования экономики в Китае, доказав тем самым востребованность модели социалистического развития современными тенденциями мирового развития. Как авторитетный финансист и специалист по ценам, автор книги предлагает методологию финансового оздоровления нашей экономики с позиции стратегии экономической безопасности России. Ветеран советской и российской науки – надо воздать ему должное – внес достойный вклад в правдивое раскрытие так называемых «темных страниц»

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

эволюции социалистической системы хозяйствования в СССР, причин и следствий ее трансформации в новой России.

А главное – автор озвучил и разъяснил свою методологию формирования новой экономической модели для нашей страны, которая «должна соответствовать современным критериям эффективности и справедливости современного социального рыночного хозяйства». Предлагаемая модель развития, как считает В.К. Сенчагов, отвечает насущным целям и задачам долгосрочного развития России, укреплению ее геополитических позиций в мире и гарантирует вхождение в пятерку развитых стран.

По моему глубокому убеждению, эта книга – можно сказать, первый объемный научный труд в современной экономической литературе с размышлениями автора, в котором предпринят комплексный анализ процессов преобразования экономики в 70-80-х годах XX столетия и ее трансформации в 90-х годах XX столетия и первом десятилетии XXI века, которые вошли в историю как периоды радикальных реформ. Автор, на наш взгляд, убедительно показывает с приведением огромного фактологического и статистического материала, почему российские реформы так и не решили главных задач современного общества: повышение благосостояния большинства населения, сохранение и упрочение геополитического положения страны.

О чем заставляет задуматься и поразмышлять автор своего читателя? О том, почему мы дошли или точнее сказать, нас довели до жизни такой – нерадостной и социально несправедливой, если сравниваться со странами Европы, в том числе с нашими бывшими союзниками по социалистическому лагерю? Почему у нас до сих пор не сбалансировано развитие страны, ее отраслей и регионов? Почему опережение политических реформ, их нестыковка с экономическими реформами обернулось для нас еще большими диспропорциями? Почему мы тяжелее всех переживаем экономические и финансовые кризисы, а в

сформировавшейся новой социальной структуре общества «правят бал» малочисленные олигархические слои? А ответ-то у серьезных аналитиков оказывается совсем простым и лежит на поверхности нашей жизни.

Все российские кризисы и, соответственно, формирование олигархического капитализма имеют родовые корни, как это убедительно показывает В.К. Сенчагов, в недрах горбачевской перестройки. Именно тогда возникла угроза развала социалистической системы хозяйствования, единого державного рынка, который формировался нашими предками веками пока строилась держава или «империя» – по терминологии ультралибералов, или «империя зла», как обозвали нас недруги из-за океана. Для исправления кризисной ситуации Горбачев-Рыжков (тогда председатель Совета Министров СССР и член Политбюро ЦК КПСС), в 1989 г. призвали в правительство 7 академиков и 20 докторов наук из экономических институтов Академии наук СССР, которые обладали современными знаниями тенденций развития мирового хозяйства и могли выступить кризисными управляющими основными процессами народного хозяйства. В их числе академик Л.И.Абалкин, как ответственный за экономический блок правительства, академик С.А.Ситарян – ответственный за внешнеэкономические вопросы, профессор В.К. Сенчагов, которому был поручен (по словам Л.И.Абалкина) самый сложный участок работы в правительстве – разработка реформы цен и осуществление финансового оздоровления разбалансированной экономики.

В 1990 году под руководством Рыжкова-Абалкина группа экономистов, социологов, юристов и практических работников министерств и ведомств, опытных хозяйственников подготовила «Концепцию перехода к регулируемой рыночной экономике», рассчитанную на 10 лет. Были осуществлены расчеты макроэкономической динамики, которые показывали возможность выхода из социально-экономического кризиса. Основные черты этого плана: постепенная приватизация

государственной собственности, не затрагивая крупных предприятий топливно-энергетического комплекса инфраструктурных объектов, постепенный, а не единовременный переход к договорным и свободным ценам, использование новых форм и методов планирования как важного инструмента развития экономики, расширение прав союзных и автономных республик, развитие территориального хозрасчета и рыночных форм при опоре на единый общесоюзный рынок.

Надо признать, что в то время сколько-нибудь единого понимания процесса перехода к регулируемому рынку не было не только в обществе, но и среди специалистов. Было высказано немало альтернативных предложений. Также была предложена программа «500 дней» С.С.Шаталина, Г.Я.Явлинского и можно назвать еще одного автора – академика Н.Я.Петракова. Но как бы ни было, надо исходить из того, что «Концепция перехода к регулируемому рынку» имела более широкую общественную поддержку и была утверждена в июне 1990 г. Верховным Советом СССР. У узкого круга партийных функционеров команды М.С.Горбачева было свое мнение, они хотели как можно быстрее получить положительные результаты и поэтому М.С.Горбачев все более отходил от курса реформ, разработанного правительством Рыжкова-Абалкина.

Первое, что сделал М.С.Горбачев – это осуществил слом правительственного механизма. При попустительстве народных депутатов он ликвидировал Совет министров, который просуществовал, как высший орган управления в России, более 100 лет и заменил на послушный ему Кабинет министров, во главе его поставил В.С.Павлова, который пообещал вывести экономику из тупика.

Второе: начались кадровые перетряски с очень неоднозначными результатами. Из правительства были вычищены такие высококвалифицированные «спецы», как например, Л.И.Абалкин, С.А.Ситарян, В.К. Сенчагов, которые выступали за эволюционный (постепенный) путь совершенствования существующей

хозяйственной системы. Правда, Вячеслав Константинович успел высказать свое особое мнение по недопустимости форсированного высвобождения цен из сферы государственного управления. Все эти и другие горбачевские выверты в конце концов привели к вызреванию чрезвычайной ситуации в экономике и обществе.

Увидев бесперспективность своих усилий и сопротивление М.С.Горбачева воспринимать разумные предложения по проведению экономической перестройки, не желая быть заложниками при этой ситуации, маститые академики в конце 1990 г. подали в отставку и вернулись в свои институты, а главный российский специалист по ценовой политике, не видя смысла работать уже в правительстве В.С.Павлова, был отпущен из его состава только 4 июля 1991 года.

А распад советской экономики тогда продолжался, не останавливаясь, вплоть до окончательного развала державы де-юре в конце 1991 года.

Таким образом, приход на смену горбачевским перестройщикам главного «героя» экономической реформы постсоветской России был предопределен и подготовлен в недрах завершавшегося этапа существования советской системы хозяйства. Не имея достаточного научно-теоретического и никакого практического, хозяйственного или управленческого опыта, а лишь обладая университетским багажом знаний и журналистским опытом работы в главном идеологическом журнале ЦК КПСС «Коммунист» (куда был устроен по просьбе отца-журналиста, который ведал военным отделом в «Правде» и даже получил звание контр-адмирала, «плавая» по коридорам редакции газеты и находясь в длительных командировках на Кубе, Югославии и других странах), но имея амбиций через край, наш «герой» согласился и был выдвинут на роль камикадзе-реформатора российской экономики.

После утверждения 6 ноября 1991 г. в должности и.о. председателя Правительства России, будущий главный реформатор отправился за

океан на стажировку. Мы это знали, работая у президента СССР. Оттуда он привез с подачи Демократической партии США уже упомянутую неолиберальную экономическую модель монетаристского типа в рамках концепции «Вашингтонского консенсуса». Эта концепция была разработана в США для бывших социалистических стран, естественно в интересах Америки, с рекомендациями по капиталистической трансформации их экономик. На эту концепцию в России ориентировались до августа 1998 г., пока не разразился дефолт. Начиная с конца 1999 г. и позднее российская экономика стала ориентироваться на подновленную концепцию «Пост-Вашингтонского консенсуса». Главным ее проводником и знаковой фигурой уже стал А.Л.Кудрин.

В начале 1990-х гг. «главный герой нашего времени» вздыбил Россию методами «шоковой терапии» и до сих пор она, бедная, не выходит из этого состояния. В результате экстремисткой приватизации, затеянной и проведенной недорослями от политики и экономики, мы не можем до сих пор набрать доперестроечные уровни и объемы производства отечественного ВВП.

Так получилось в жизни, что после ухода от Горбачева в 1993 г. мне пришлось работать в крупных частных компаниях, арендовавших площади для размещения персонала на территории института нашего «героя», носящего теперь его имя. Мне тогда привелось его консультировать по внешнеэкономическим связям, поэтому я знаю его уровень не понаслышке...

Книга охватывает более чем сорокалетний период развития страны и включает аналитические исследования самого Сенчагова – не изменившему своим научным взглядам и по-прежнему считающего социализм как современную конкурентоспособную систему. В нынешней России – «на верху», как известно, это отвергается напрочь.

По его мнению, начиная с 50-х годов прошлого века и до конца 1991 г. советская социалистическая система хозяйствования прошла разные этапы эволюционного развития. Как

профессиональный ученый, он не согласен с утверждением ультралибералов называть последний 40-летний советский период развития страны тоталитаризмом и господством командно-административной системы, считая это грубым обобщением, некоей абстракцией, что «по существу означает отрицание законов развития и эволюционных преобразований». Уже тогда, в послевоенном Советском Союзе искали пути адаптации политической и экономической системы к меняющимся условиям и факторам развития, стремясь ответить на вызовы советской системе со стороны мировых конкурирующих систем.

В книге показано, что хозяйственная реформа, инициированная Председателем Правительства СССР А.Н.Косыгиным, сопровождалась не только дискуссиями, но и противодействием влиятельной части бюрократического аппарата партийных и управленческих структур. Дело доходило до того, отмечает Сенчагов, что наиболее активные сторонники и разработчики теоретических концепций реформы испытывали запрет на исследования и выражение своей профессиональной точки зрения. Например, такому запрету подверглись теоретические концепции товарно-денежных отношений, которые разрабатывались в секторе Института экономики Академии наук СССР (теперь РАН – Ю.Г.) под руководством Я.А.Кронрода. В научных работах ученых сектора уже тогда было показано, что «товарно-денежные отношения имманентно присущи социализму». Как сторонник данной точки зрения, В.К. Сенчагов указывает на то, что это было доказано сначала НЭПом, а позднее практикой венгерского и китайского социализма. По его мнению, товарно-денежные отношения «вполне согласуются со значимой ролью государства и планирования». Однако сегодня это напрочь отвергают рыночные фундаменталисты.

Автор книги с сожалением и горечью заключает, что вследствие нахождения в те годы теории товарно-денежных отношений в раздвоенном состоянии было потеряно не одно десятилетие в

их системном исследовании, а также механизмов перехода к рыночной экономике. Упущенной возможности не удалось наверстать и за время горбачевской перестройки. А формирование этого процесса уже в новой России привело к большим социальным издержкам.

В контексте своих воззрений автор считает перестройку 1985-1991 гг. определенным (отдельным) этапом эволюционного развития СССР, в течение которого предполагалось «вдохнуть в социализм как систему новое дыхание, новое содержание».

Замысел перестройки, как его озвучивал М.С. Горбачев, основывался на трех основополагающих принципах:

1. Комплексное реформирование политической и экономической системы.
2. Постепенность перехода к социально ориентированному рыночному хозяйству.
3. Преобразования должны осуществляться в рамках развивающейся социалистической системы.

Идея Горбачева состояла в трансформации унитарного государства, каким фактически был СССР, в демократическую и реальную современную федерацию, где каждый субъект обладал бы необходимой широкой самостоятельностью. Решающим шагом на этом пути должен был стать Союзный договор. Августовский путч сорвал его подписание и привел к краху великого государства.

Что касается экономики, то главным звеном хозяйственной реформы при Горбачеве было обозначено предприятие; основная идея – повысить его роль в воспроизводственном процессе и в системе управления на основе трех «С» - самостоятельности, самоуправления, самофинансирования. Такой подход был принят под прямым влиянием реформ хозяйственных механизмов стран СЭВ.

Как показали события, стремление влиятельной части правящих кругов в союзном Центре и в Верховном Совете

РСФСР во главе с Б.Н.Ельциным к радикализации реформ нарушило принципы их проведения и дало сильный толчок иному вектору развития. В результате, по меткому наблюдению автора книги, на верхних этажах государственной власти возникла «неопределенность и раздвоенность политических ориентиров, которые в последующем явились одной из причин трансформации социалистической системы».

Как справедливо утверждает Сенчагов, именно тогда, а точнее – начиная со второй половины 1990 г. – возник ряд предпосылок для возникновения в некоторых умах перестройщиков плана «шоковой терапии». Таким образом, Е.Т. Гайдар развернул «шоковую акцию» в России со 2 января 1991 г. не с чистого листа. Другими словами, в тех бедах, которые выпали на голову россиян, в результате ускоренной трансформации социально-экономической системы, повинен не только главный российский младореформатор. Но и все те, кто способствовал в конце советского периода его появлению на российской политической и экономической сцене. Ниже мы подробнее расскажем о перипетиях политической борьбы и конкретных участниках: одних – за один вектор развития, то есть за сохранение и дальнейшую эволюцию социалистической системы, а других – за иной, радикальный путь, то есть за трансформацию этой системы на пути к капитализму...

Правда, по моему мнению, перелом ситуации в идеологических установках перестройки наступил в начале 1988 г., когда у социализма как системы стали резко снижаться шансы, чтобы выжить. Ведь именно тогда в 1988 г. исподволь стали создаваться реальные условия в экономике и политике для заката социализма в СССР. Об этом мы расскажем ниже. Правда, Сенчагов в своей книге отмечает, что именно в 1988 г. производительность общественного труда и темп прироста ВВП были самыми высокими за все годы перестроечного периода. Но в начале 1989 г. эти показатели стали резко снижаться; в том числе из-за причинных условий, созданных в 1988 году. По-видимому, мои наблюдения и

умозаключения, которые мы предложим читателю ниже, снизят накал романтизма у уважаемого Вячеслава Константиновича. Повторюсь, даже приход известных специалистов-академиков, включая автора книги, в правительство Рыжкова в 1989 г. в качестве кризисных менеджеров для выправления обострившейся до крайности ситуации, уже ничего не мог изменить...

Как известно, уже первые «шоковые акции» Гайдара в 1992-1993 гг. привели к опасным кризисным явлениям в экономике, что заставило Ельцина серьезно задуматься над обеспечением экономической безопасности России. Работавшему в то время ректором Экономической академии при Минэкономике РФ Сенчагову было поручено разработать «Концепцию экономической безопасности страны». В 1996 г. на основе этой концепции президент РФ Ельцин утвердил своим указом «Стратегию экономической безопасности России». Поскольку в ее разработке принимали участие многие сотрудники ведущих научно-исследовательских институтов, а также специалисты министерств и ведомств со своими, порой сильно различающимися, воззрениями на проблемы обеспечения экономической безопасности, в этой связи профессор Сенчагов раскрывает в книге свой взгляд на концепцию и дает авторскую методологию индикативной системы безопасности...

ПОЧЕМУ НЕ СОСТОЯЛАСЬ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА

О неудаче горбачевской перестройки, ее второго этапа 1989-1991 гг., повлекшей развал великой державы и конец социалистической системы хозяйствования, о последовавшем затем переходе к трансформации социально-экономической системы на капиталистических основах хозяйствования, в новой России пишется много, но, главным образом, с публицистической точки зрения и сравнительно мало анализируется с позиции беспристрастных, вменяемых профессионалов-экономистов.

Спрашивается, почему же в российской экономической литературе по-прежнему замалчивается тема провала экономической перестройки и не раскрываются «пикантные» подробности трансформации социально-экономической системы по гайдаровскому варианту? Почему в публицистических и журналистских статьях и книгах и даже в научных журналах муссируются в основном лежащие на поверхности политические и социальные факторы указанных событий, обходя далеко стороной экономические и финансовые аспекты?

Политкорректно на эти «пикантные» вопросы пытается дать ответы В.К. Сенчагов, но более конкретно, уже отмечалось выше, не в книге, а в своем научном докладе на ее презентации. В частности, он отмечает: «По сей день, спустя более 20 лет, специалисты, работавшие над механизмом и мероприятиями по перестройке, находятся в растерянности из-за жесткой линии либерализма российского розлива, который превратился в догматизм и экстремизм». Это признак совестливого отношения к реформам, признание того, что за ее неудачи они несли ответственность перед гражданами России...

Более 20 лет главные виновники развала великого государства с тысячелетней историей и их доморощенные ультралиберальные последователи стремятся доказать, что Советский Союз и социалистическая система хозяйствования изжили себя к концу XX века и страна была вынуждена перейти на другой путь социально-экономического развития. Сенчагов убедительно показывает обратное. Оказывается, это, мягко говоря, ложное представление апологетов развала. Автор доказывает это на цифрах и фактах. По его наблюдениям, у перестройки было хорошее начало и хороший старт. Это видно из диаграмм темпов роста валового общественного продукта за 1950-1990 годы. Так, в соотношении 1988 г. к 1987 г. темпы прироста общественного продукта были выше, чем в предыдущие годы. Если в 1981-1985 гг. производительность

общественного труда возрастала в среднем за год на 3,1%, то в 1986 - 1988 гг. на 3,8%, в т.ч. в 1988 г на 5,1%. Прибыль в 1984-1985 гг. в среднем за год увеличилась на 6,1%, а за 1986-1988 гг. – на 10,4%. В промышленности в 1,5 раза сократилось количество убыточных предприятий, и размер их убытков снизился почти в 3 раза. По мнению В.К. Сенчагова, превращение всей территории страны в площадку дискуссий в 1989 г. в связи с выборами Верховного Совета СССР нарушило обычный ритм работы миллионов людей, резко упала трудовая дисциплина, и в результате успешный старт перестройки не получил развития, а напротив, темп прироста ВВП снизился по сравнению с 1988 г. на 2,5 пунктов и составил в 1989 г. к 1988 гг. +3%, а в 1990 г. к 1989 г. – (минус) 2,3%. И далее автор книги заключает, что в ходе реформы проведение широкой демократизации как центрального звена перестройки, переход к системе самоуправления, внедрение системы выборности директоров предприятий – все это в конечном итоге привело к потере управляемости, анархии и хаосу. А в результате, констатирует наш исследователь, «впервые за 40 лет в 1990 г. произошел спад».

Однако, как мне представляется, к объяснению автора книги о причинах экономического спада следует назвать и другие фундаментальные причины.

С января 1988 г. в Советском Союзе вступил в действие Закон о государственном предприятии, принятый Верховным Советом СССР по инициативе Политбюро ЦК КПСС. В книге этому Закону посвящена девятая глава. Поскольку всех якобы достал диктат министров, то принятый закон давал предприятиям полную волю. В статье 2 прямо говорилось: «Государство не отвечает по обязательствам предприятия. Предприятие не отвечает по обязательствам государства». Министерства отстранялись от воздействия на хозяйственную политику предприятий и реализацию их продукции. Однако, в условиях сохранения плановой экономики и централизованного распределения фондов, министерства по-прежнему должны были снабжать предприятия

всеми необходимыми ресурсами. Но теперь, по закону, предприятия могли распоряжаться ими по своему усмотрению, то есть экономика превращалась в улицу с односторонним движением, при котором серьезно страдали интересы государства.

Но самой убийственной статьей, нанесенной социалистической системе хозяйствования, основанной на плановой экономике, стала статья 7 закона, по которой предприятия получили право самостоятельно создавать афилированные компании с участием кооперативов и зарубежных фирм. Сенчагов, как один из разработчиков этого закона, несет свою долю ответственности.

В мае 1988 г. Верховный Совет СССР опять же с подачи Политбюро принял закон «О кооперации». По этому закону, при предприятиях разрешалось создавать кооперативы почти на условиях цехов – с правом использования централизованных государственных ресурсов. Только в отличие от цехов и даже в отличие от самих предприятий эти кооперативы могли, по закону, самостоятельно осуществлять экспорт продукции, создавать коммерческие банки, а за рубежом – свои фирмы. Причем выручка в иностранной валюте изъятию или обязательной конвертации не подлежала (статья 28), а за всю финансово-хозяйственную деятельность кооперативы отчитывались только перед своими ревизионными комиссиями.

В течение 1988 г. и в начале 1989 г. Совмин СССР во главе с Н.И.Рыжковым принял более 17 постановлений, отменивших в том числе госмонополию на внешнеэкономическую деятельность, запрещавших таможене задерживать грузы кооперативов, разрешавших невозврат валютной выручки из-за рубежа за реализованные товары и др. При наступивших благоприятных условиях ведения хозяйственной деятельности, при большинстве предприятий были зарегистрированы кооперативы, выполнявшими фактически роль посредников между предприятиями, производившими продукцию, и рынком. Их хозяевами стали родственники директоров

предприятий, представителей высшей хозяйственной, управленческой, чиновничьей и партноменклатуры. Из государственных фондов на фабрики и заводы по-прежнему шли вагонами ресурсы для выпуска продукции, но теперь, по закону это разрешалось, директора «сливали» эти ресурсы в собственность «семейным» кооперативам, а те отправляли их за рубеж на продажу, зачастую даже без переработки в ущерб внутреннему рынку. Началась, как тогда говорили, эпоха ВРГ – Великой Растащивовки Государства. А по-научному – это называется первоначальным накоплением капитала. Следовательно, уже тогда за несколько лет до 1992 г., де-факто началась накопительная подготовка к приватизации.

За год после принятия законов о государственном предприятии и кооперативах последними было вывезено из СССР треть произведенных потребительских товаров, а за второй – 1990 г. – еще столько же. Естественно, внутренний рынок обрушился. В конечном итоге, правильно констатирует Сенчагов В.К., что в 1990 г. произошел серьезный спад в экономике впервые с 1950 года. Он произошел, на мой взгляд, благодаря перестроечным мероприятиям, предпринятым правительством Рыжкова в 1985-1988 гг., а не из-за опережения политических реформ, как считает В.К. Сенчагов.

Чтобы как-то решить возникшие серьезные проблемы с наполнением внутреннего рынка, постановлениями рыжковского правительства была направлена часть золотого запаса Советского Союза на закупку импортной продукции. За два года до краха страны он сократился на полторы тысячи тонн. А ведь в 1985 г., когда начиналась перестройка, у СССР практически не было внешнего долга; в 1991 г. он уже составил колоссальные суммы. Не следует, конечно, все это объяснять падением мировых цен на нефть в те годы до 10 долл. за баррель, хотя бы потому, что 1991 г. нужно считать годом окончательной потери управляемости экономикой, как считает Сенчагов В.К. Как оказалось, золото было потрачено зря, так как

Рыжков Н.И. в своих мемуарах объясняет, показывая беспомощность своего правительства, что закупленные потребительские товары и продовольствие за советское золото не поступали на внутренний рынок из-за «чьих-то» усилий по блокировке импортных поставок в морских портах и таможенных терминалах. Таким образом, главный хозяйственный управленец СССР того времени пытается снять с себя ответственность за тот хаос и развал в экономике, о которых мы находим свидетельства в книге В.К. Сенчагова

Сенчагов В.К., как один из авторов закона о государственном предприятии, делает примечательное признание, что «разработчики хорошо представляли многие риски его реализации, поскольку требовались принципиальные системные решения по вопросам цен, оплаты труда, оптовой торговли, кредитования, организации самоуправления. Принятие их задерживалось не только по политическим соображениям, но и в связи с трудностями методологического характера». Из этого признания теперь понятны причины сетований автора книги, что его разумные предложения и рекомендации при работе чиновником высшего звена зачастую торпедировались «наверху».

Таким образом, во времена управления Совмином СССР Н.И.Рыжковым (до прихода в его состав в 1989 г. команды ученых-академиков и В.К. Сенчагова) государственные предприятия как главное звено хозяйственной реформы сначала освободили от обязательств перед страной, затем передали их активы в руки так называемых кооператоров и в конце концов открыли для последних беспрепятственные пути на заграничные рынки в ущерб государственным интересам.

Изучая в опубликованных источниках, как востоковед, китайскую реформу Дэн Сяопина, откровенно признаюсь: что-то похожего в хозяйственных преобразованиях нашего восточного соседа я не встречал. Поэтому интересно было бы получить ответ от Н.И.Рыжкова на следующий принципиальный вопрос: «Законы о

предприятия и кооперации, а также соответствующие постановления его правительства, которые в 1988 г. были приняты в рамках экономической реформы, и привели в последующие годы к серьезному экономическому спаду, а точнее к краху советского народного хозяйства стали результатом профессиональной некомпетентности или преступного сговора «верхов»?»

В своей знаменитой книге «Русская трагедия (гибель утопии)» русский философ и социолог Александр Зиновьев обращает наше внимание на одну из важных причин, почему рухнул Советский Союз. Размышляя, он отметил: «Я вообще считаю, что рост благосостояния населения стал одной из причин краха нашего русского коммунизма. Он усилил расслоение общества и материальное неравенство. Жажда иметь росла быстрее и сильнее, чем возможность ее удовлетворять. На этой основе возникло другое, чисто обывательское истолкование принципа «по потребности» - как удовлетворение желаний современных людей. А желания эти возросли настолько, что даже официальная идеология Советского Союза отодвинула исполнение этого принципа в неопределенное будущее. Советские люди уже не представляли себе изобилие коммунизма по крайней мере в виде высокого жизненного уровня некоторых западных стран».

Показательный вывод авторитетного социолога и философа подтверждает в своей книге Сенчагов, подчеркивая, что «советское общество было перегрето ожиданиями хорошей жизни сегодня, а не завтра». Он приводит следующие цифры: в 1986-1988 гг. все расходы бюджета увеличились на 75 млрд руб., а доходы – примерно на 2 млрд рублей. Нарастал также дисбаланс между доходами и расходами населения. В 1988 г. доходы населения возросли более чем на 8%, что в 2 раза превысило плановые проектировки. Рост оплаты труда намного опережал рост производительности труда, дефицит товаров для населения возрастал. Дополнительно к плановым проектировкам увеличились на 21 млрд руб. государственные расходы на

развитие здравоохранения, систему образования, социальную помощь малообеспеченным слоям. Денежные доходы населения в 1988 г. возросли на 38.5 млрд руб. при росте национального дохода на 25 млрд руб. и розничного товарооборота также на 25 млрд руб. Объем всех видов денежных доходов населения значительно превышал запасы товарных ресурсов. Среднегодовая эмиссия денег в 1986 -1988 гг. в несколько раз опережала показатели 1981-1985 годов.

Таким образом, экономическая и социальная политика Горбачева-Рыжкова в первые годы перестройки (1985-1988 гг.) несмотря на переживаемые советским обществом трудности, проводилась на грани популизма, фактически развращала советских людей, прививая им ложное понимание изобилия при коммунизме и укрепляло обывательское истолкование принципа «по потребности». Как метко заметил известный журналист и политический деятель Михаил Полторанин: «Просто мы привыкли с каждым годом жить лучше и нас не интересовали проблемы властей».

Как следствие проведения недальновидной экономической политики перестройки, в хозяйственной системе страны настолько обострились кризисные тенденции и явления, что в 1989 г. в правительство Н.И.Рыжкова и были призваны, как уже упоминалось выше, кризисные менеджеры-экономисты (Абалкин, Ситарян, Сенчагов и др.) с целью вывода экономики из кризиса и оздоровления народного хозяйства.

Когда Полторанин в начале 1990-х годов был вице-премьером ельцинского правительства, он изучил по свежим следам президентский архив Горбачева (после его отречения от власти) и сделал для нас интересный вывод по экономической ситуации, предопределившей развал страны. Он свидетельствует: «88-й был самым роковым годом в послевоенной истории СССР. В нем нашей стране были нанесены раны, несовместимые с жизнью государства. Не зря блуждающие во власти либералы-большевики усиленно кивают сегодня на 91-й год. Тогда мол

рухнул Союз, а они пришли склеивать из обломков Россию. Их с удовольствием поддерживают партократы, сидевшие в роковое время в Кремле или около него, а сейчас гуляющие с членскими билетами «ЕдРосов». Но это обманка для простоватых окуньков – патриотов. 91-й – только последствия. Слом хребта Советскому Союзу состоялся в 88-м. И добивали неподвижное тело в 89-м и 90-м». В книге Сенчагова другая диалектика. Перестройка два этапа: 1985-1988 гг. и 1989-1991 гг. с прямо противоположными результатами. Первый этап отличался экономическим ростом, а второй – спадом и дезорганизацией всего хозяйственного механизма.

Не являясь профессиональным экономистом, Полторанин совершенно правильно диагностирует тогдашнюю обстановку в стране и раскрывает сценарий ее окончательного развала. Он подчеркивает, что достаточно дезорганизовать систему управления экономикой и обрушить финансовую базу руками власти, изнутри, под видом назревших проблем. Поэтому необязательно наносить ядерные удары по такой стране или использовать десанты иностранных командос, она сама рассыпется на бесформенные кусочки и будет поставлена на колени.

Манипулируя цифрами и фактами «посвоему», реформаторы российского розлива (термин, введенный автором книги – Ю.Г.) умело воспользовались горбачевской «гласностью» (то есть вседозволенностью) и удивительной слабостью тогдашнего руководства страной во главе с «перспективным» генсеком. Они сначала опорочили социалистическую систему хозяйствования, а затем заставили уйти в небытие неудачливого реформатора-перестройщика, которого теперь хвалят и награждают высшим орденом России по случаю его 80-летнего юбилея: за то, что он воплотил их мечты.

А ведь мы – старшие поколения, жившие в великой стране, с трагической, но славной историей, и не догадывались о ее грядущем развале, надеялись и верили, что с приходом молодого, на первый взгляд, решительного М.С.Горбачева к власти

в апреле 1985 г. будет преодолена кризисная ситуация в нашем социалистическом обществе.

Опасная ситуация в нашем Отечестве, как известно, вызревала задолго до его прихода на пост лидера страны. Она вызревала под воздействием многих факторов, а не только в экономике. Мы знали недостатки нашего строя не хуже, чем западные наблюдатели. Состояние недовольства особенно обострилось к концу эпохи правления Брежнева Л.И., то есть к началу 1980-х годов. Недовольство стало обычным для советских людей на всех уровнях. По образному замечанию А.А.Зиновьева, всеобщее недовольство начиналось «от уборщицы, которая была недовольна тем, что трудящиеся плевали и бросали окурки на пол, и кончая генеральным секретарем КПСС, который был недоволен тем, что трудящиеся не переставали пить водку, не хотели укреплять трудовую дисциплину и повышать производительность труда, без чего общество не могло так быстро идти к полному коммунизму, как хотелось бы». То есть все понимали недостатки социализма в Советском Союзе и даже жестко критиковали. Однако народ был не против социализма, а против старческого маразма вождей.

Сенчагов особо подчеркивает: «Приводить аргумент в пользу тезиса, что идеология перестройки замышлялась в рамках социалистического выбора, вряд ли стоит. Слишком очевидной и широко распространенной была эта точка зрения.» И далее он отмечает, что если бы российские реформаторы тогда пошли в политику с идеями отказа от социализма, то вряд ли бы они получили поддержку советского общества. Сегодня, пост-фактум они не терпят возражений и высказывают совсем иную точку зрения. Так, например, спустя 20 лет Г.Х.Попов и Ю.М.Лужков в своей статье в «МК» (25.01.2010) критикуют «шоковую терапию» Е.Т.Гайдара, но тем не менее высоко оценивают его отход от социализма, не опасаясь абстракции за свои взгляды.

К началу перестройки в Советском Союзе сложилась парадоксальная ситуация, при которой, перефразируя

известную формулу, советские люди («низы») не хотели жить по-старому, то есть ограниченно потреблять по разумным потребностям, а хотели жить в системе социального обеспечения как при социализме, а потреблять неограниченно как при капитализме, с одной стороны. А с другой, значительная часть государственного и партийного аппарата («верхи») уже не могли, да и не хотели управлять страной на основе социалистических принципов. Кроме того, и они очень желали в открытую «потреблять» как при капитализме. Такое желание постоянно стимулировалось заграничными поездками, особенно в западные страны, так как именно эта категория советских граждан имела право более частого заграничного выезда. На эту характерную особенность, говоря о причинах развала СССР, обратил внимание Александр Зиновьев.

ПРЕДВЕСТНИКИ ГАЙДАРА

Когда началась перестройка (март-апрель 1985 г.) почти все слои советского общества поверили Горбачеву и с упоением слушали в первые годы его правления (1985-1988 гг.) сладкие речи, «во время многочисленных встреч с трудящимися» по всей стране. Он очень убедительно говорил о предстоящих планах преобразования всех сторон общественной жизни.

Как оказалось, проработанных планов перестройки в теории у него не было, да и не могло быть. Первоначально у Горбачева не было прежде всего команды единомышленников, кроме А.Н.Яковлева, с которым он только что познакомился в Канаде (где последний был послом СССР), а большинство членов и кандидатов в члены Политбюро вместе с аппаратом ЦК КПСС принимали его идеи перестройки сдержанно и зачастую настороженно. Команда профессионалов у него фактически сформировалась только к концу 1988 – началу 1989 года. Правда ключевую роль в поддержке начинаний Горбачева с самого начала стал играть узкий «ближний круг» из нескольких аппаратчиков и партфункционеров высшего звена КПСС: А.Н.Яковлев, А.С.Черняев и Г.Х.Шахназаров. Но они, исходя из признаний в позднее опубликованных мемуарах, да я и сам

это наблюдал, почти ничего не смыслили в теоретическом плане ни в социалистической, ни тем более в капиталистической (рыночной) экономике. Поэтому их основное внимание и советы Горбачеву концентрировались на проблемах государственности, радикального изменения существующей политической системы и преодоления так называемой имперскости в условиях крайнего обострения национального вопроса.

По моим наблюдениям, наша экономика для «прорабов перестройки» была, можно сказать, второстепенным делом. Об этом красноречиво свидетельствует следующее признание А.Н.Яковлева, сделанное им в сентябре 1992 г., когда мы уже работали в «Горбачев-фонде», а он был моим непосредственным руководителем. Тогда, к концу 1992 г. абсолютно все прочувствовали на своей шкуре экономическую реформу Е.Т.Гайдара. Во время одной из служебных встреч по текущей работе, когда у моего начальника было доброе настроение для размышлений, я задал прямой вопрос: «Почему не состоялась перестройка советской экономики?» Слегка смутившись от неудобного вопроса и задумавшись на минуту, Александр Николаевич признался, пристально глядя мне в глаза: «Когда мы с Горбачевым начинали перестройку, то для нас было ясно, что в первую очередь необходимо перестроить политическую систему, ликвидировать монополию КПСС на управление страной и даже ее упразднить как преступную организацию. А что касается экономики, то на заседаниях Политбюро мы часто задавали Вадиму Медведеву (член Политбюро ЦК КПСС, ответственный в Политбюро за экономическую перестройку – Ю.Г.) один и тот же вопрос: «Что мы будем делать с экономикой?» Но он так толково и не мог объяснить нам, что с ней делать, и вот теперь – после ликвидации Советского Союза – мы все пожинаем плоды!»

Понятно, что высказывание носило краткий характер и я услышал крайне узкий взгляд «главного архитектора перестройки» на причины неуспеха реформы советской экономики. А

ответственность, конечно, падает не на одного уважаемого Вадима Андреевича. Позднее, в своих мемуарах тот же А.Н. Яковлев отметил, что в перестроечное время за экономику непосредственно отвечали Николай Рыжков, Егор Лигачев, Виктор Никонов, Юрий Маслюков и другие.

Как мне представляется, отношение высшей советской партноменклатуры к экономике как к «*tierra incognita*» складывалось под воздействием ряда факторов и исторических обстоятельств. Главным из них, на мой взгляд, как окончившего в своё время экономический факультет университета по рыночной экономике развивающихся стран, является то, что и Горбачев М.С. (юрист по образованию), и его «ближний круг» указанных помощников и советников (тоже не экономистов) не имели элементарной компетенции в товарно-денежных отношениях и в финансовой сфере как первооснов рыночной экономики. Тем более в советское время капиталистическая экономика подробно изучалась в сравнительно немногих наших вузах – в основном с критической точки зрения и на базе преимуществ социалистического способа производства. Поэтому в сложившихся обстоятельствах даже высшая партноменклатура и не пыталась ее изучать, а тем более понимать. В подтверждение данного вывода приведу показательное признание того же А.Н. Яковлева: «В экономической области (в период перестройки – Ю.Г.) упор был сделан на концепции ускорения социально-экономического развития. Механизм этого ускорения так и остался тайной». И далее Александр Николаевич сетует, что в то время продвижение политической демократии происходило достаточно быстро и эффективно, однако, «в экономике серьезно повернуться к реформам так и не удалось».

Изучая историю принятия решения китайским лидером Дэн Сяопином начать китайскую перестройку в 1978 г., проходило не раз удивляться мудрости тогдашнего лидера нашего восточного соседа – Китая. Не имея достаточных знаний, он сначала проанализировал уроки прошлого своей страны, определил реальный

потенциал КНР, изучил экономические модели, по которым развивали рыночную экономику другие страны, в том числе модели развития Гонконга и Сингапура, где правят этнические китайцы (хуацяо), пригласил для совета видных китайских бизнесменов из китайских диаспор разных стран и только после этого на основе скрупулезного анализа, взвесил все и нацелил страну на экономическую реформу в течение, надо особо отметить, немалого срока – 40 лет. К сожалению, зная достаточно наш опыт экономических реформ и наблюдая воочию отечественных лидеров, я не могу даже близко их сравнивать с китайскими реформаторами ни по подходам к реформе с социально ориентированной позиции, ни по стремлению познать их сущность и необходимость для страны, чтобы правильно принимать окончательные государственные решения, консолидирующие народ, не говоря об умении предвидеть последствия реформ хотя бы на несколько лет вперед, не говоря о четырех десятилетиях реформы как в Китае.

Спрашивается, как можно было начинать экономическую перестройку без разработанного плана проведения реформы? Почему нельзя было пригласить для консультаций Л.И.Абалкина, С.А.Ситаряна, В.К.Сенчагова и других знатоков экономики, например, в марте-апреле 1985 г., а не в 1989 г., когда клюнул, как говорят на Руси, жареный петух? Правда, и сегодня такой план у нас заменяет набор предвыборных статей президентской компании, а на некоторых экономических советников первых лиц государства, зная их уровень знаний и компетентности, замкнутый на всепоглащающий рыночный фундаментализм и догматизм, а также слепое поклонение ультралиберализму, «без слез не взглянешь». Куда смотрит президент?

Несомненно то, что радикальная экономическая реформа могла начаться только по команде лидера перестройки М.С.Горбачева. Но он, как отметил в своем дневнике 11 сентября 1989 г. (самое кризисное время перестройки – Ю.Г.), самый доверенный и влиятельный, близкий по духу помощник по международным

делам Черняев А.С. «продолжал держаться за старые рычаги, за социалистическое обновление, но при этом боится рынка, боится свободных цен, боится кооперации».

Другой помощник из «ближнего круга» генсека Шахназаров Г.Х. главной причиной провала экономической перестройки считал склонность Михаила Сергеевича к поиску компромисса «в виде арифметической середины между альтернативами», когда он, например, «пытался поженить программы Абалкина и Явлинского и получить от этого брака полноценное потомство в виде некоего идеального плана реформ». Увы, сожалеет Георгий Хосроевич, из этого «ничего путного не вышло».

По моим впечатлениям, самые близкие Горбачеву по духу Черняев, Шахназаров и Яковлев ратовали за радикальный демонтаж социалистической системы. Однако сам Горбачев не внимал их «антисоциалистическим советам», так как прекрасно сознавал, что те реформаторы, которые «шли в политику с идеями отхода от социализма, вряд ли получили поддержку».

В дальнейшем, находясь уже вне верховной власти, главный вдохновитель перестройки и его ближайшие помощники – советники, конечно, уклонились от раскаяния от содеянного с вверенной им державой. Однако интересно читать в их мемуарах о якобы просчетах их перестроечных действий. Так, например, Яковлев был на словах ярким антисталинистом, однако при этом был не чужд сталинских методов решения вопроса. Он признается в том, как надо было делать перестройку: «В обстоятельствах, что сложились к середине 80-х годов, будущий лидер, если бы он захотел серьезных изменений, должен был пойти на «великое лукавство» - поставить великую цель, но публично не говорить о ней. И соратников подбирать по этому признаку, то есть по признаку относительно молчаливого взаимопонимания по ключевым вопросам преобразований. Аккуратно и точно дозировать информационную кислоту, которая бы разъедала догмы сложившейся карательной системы». В

этих условиях, продолжает «архитектор перестройки», лидер должен быть предельно осторожен и обладать качествами политического притворства, быть виртуозом этого искусства, мастером тоже рассчитанного компромисса. Иначе – крах любым новаторским замыслом. По словам Яковлева, Горбачев обладал отмеченными качествами только «в известной мере».

ЭВОЛЮЦИОНИСТЫ- ГУМАНИСТЫ ПРОТИВ РЕФОРМАТОРОВ- ЭКСТРЕМИСТОВ

На отсутствие компетентности руководителей союзного Центра обращает внимание и Сенчагов В.К., который отмечает, что отсутствие синхронизации экономических и политических реформ привело к потере управляемости страной и ослаблению производственной, финансовой и трудовой дисциплины. А в итоге, заключает автор книги, в 1989-1991 гг. произошли сбои во всех основных звеньях перестройки. Это случилось, несмотря на то, что в команде Горбачева-Рыжкова уже работали и генерировали идеи по экономической перестройке, призванные из Академии наук специалисты-академики: Л.И.Абалкин, С.А.Ситарян, С.С.Шаталин, Н.Я.Петраков, А.Г.Аганбегян, а вместе с ними Сенчагов В.К., Маслюков Ю.Д., Явлинский Г.А., Щербаков В.И. и др.

Начиная с 1989 г. вокруг Горбачева развернулась жесткая борьба мнений и конкуренция программ развития страны, подготовленных правительственной командой во главе с Абалкиным (по поручению Рыжкова), с одной стороны, и Аганбегяном, Шаталиным – Петраковым – с другой. 14 сентября 1990 г. в Верховном Совете СССР развернулся конкурс программ, а точнее началось жесткое сражение академиков-интеллектуалов за дальнейший вектор развития Советского Союза. Рыжков с Абалкиным отстаивали эволюционный путь совершенствования социалистической системы, который должен был занять, согласно их программы, не менее 10-ти лет. Аганбегян, Шаталин и Петраков стремились к радикализации реформ и, по своему оценивая сложившуюся

экономическую ситуацию в стране, заявляли, что необходимо сделать «выбор не между социализмом и капитализмом, а между жизнью и могилой». В их программных установках уже отсутствовали такие слова как «социализм», «социалистический выбор», «идеология социализма» и другие упоминания социалистической лексики и терминологии.

В этот трагический переломный момент председатель Совмина СССР А.И.Рыжков и его самые влиятельные заместители Л.И.Абалкин и С.А.Ситарян подверглись самым сильным нападкам и серьезной критике со стороны Ельцина и его окружения (как представляется, исходя из их тактических соображений раскачать и окончательно ослабить союзный Центр и свернуть на другой путь развития). Обвинения эти не разделяло даже ближайшее окружение Горбачева. Шахназаров Г.Х. отмечает, что тогда всем было понятно, что главной причиной начавшегося экономического спада были как раз шаги правительства Рыжкова на пути преобразований. Свертывание системы централизованного планирования не могло пройти безболезненно. И дальше Шахназаров указывает на причину возникновения яростных нападков со стороны Ельцина и К^о: «Рыжков не торопился с переходом к рынку, это верно, опасаясь вызвать обвал производства, но плавный, замедленный ход реформ никак не устраивал оппозицию. Признать рациональность такого метода значило для нее отложить на годы взятие власти».

Тогда же, по словам того же Шахназарова Г.Х., и была предпринята, пожалуй, единственная серьезная попытка со стороны Горбачева, создать коалицию «правительственного лагеря» с радикалами, в основу которой положили программу Г.Я.Явлинского «500 дней». Горбачев, исходя из его разговоров с помощниками, склонился ее поддержать без большой охоты. В немалой мере потому, что не хотел приносить в жертву премьера Н.И.Рыжкова. Фактически в обмен на такую коалицию правые требовали от него головы Рыжкова, как через два

года левые будут требовать от Ельцина голову Гайдара. Президент долго колебался не только из-за личной симпатии к человеку, который был ближайшим его соратником с первых лет перестройки. Будучи в курсе дела, Шахназаров отмечает: «Его предостерегала от методов «шоковой терапии» группа видных экономистов во главе с Л.И.Абалкиным, которого никто не мог заподозрить в ретроградстве».

После долгих раздумий и метаний Горбачев все-таки отверг программу Явлинского. По признанию Шахназарова «ближний круг» тогда не одобрил решение президента. Правда, как пишет Георгий Хосроевич, помощники и советники «своего шефа» разделяли опасения экономистов из «правительственного лагеря», что реализация программы «500 дней» может вызвать чрезмерные перегрузки в экономике, которые лягут на плечи народа. Но в тот момент, по словам Шахназарова, им казалось, что выигрыш от политической коалиции компенсирует уязвимость программы Явлинского, ее необходимо было одобрить к исполнению в первую очередь, чтобы покончить с нервотрепкой и жестким противостоянием противоборствующих сторон, чтобы попытаться восстановить хотя бы элементарный порядок. А уязвимость места экономической программы, как наивно полагали главные советчики президента, можно будет в конце концов снивелировать по ходу ее реализации. Вспоминая об этих временах десять лет спустя, в 2001 г., Шахназаров признал эту точку зрения не безупречной.

Таким образом, на тот момент экономисты «правительственного лагеря» тогда все-таки сумели доказать Горбачеву, что вступив на путь «шоковой терапии», с него уже не сойти, а грозящая при этом гиперинфляция повлечет катастрофический спад жизненного уровня. На отказ Горбачева от «500 дней» повлияло и то обстоятельство, что в это же самое время националистические движения в союзных республиках раскручивали спираль требований и Центр терял с каждым днем управленческие

возможности. И в таких условиях, как честно признал несколько месяцев спустя сам Явлинский, использовать «шоковые» методы было крайне рискованно (по воспоминаниям Шахназарова).

Существовала и еще одна фундаментальная причина, почему Горбачев отверг «500 дней» и решил продолжать поиск более щадящей, менее болезненной для общества программы. Президент как и многие миллионы его соотечественников, не мог еще перешагнуть через высшую заповедь ортодоксального социализма – догму государственной собственности, отрицавшей частного собственника. В отличие от Горбачева, его «ближний круг» считал, что «чем глубже наша экономика погружалась в кризис, тем тверже становилась уверенность, что выкарабкаться из трясины и, тем более, интегрироваться в мировое хозяйство мы можем только свернув на капиталистический путь при условии денационализации (приватизации) большинства предприятий, демонополизации производства, создания социально ориентированного рыночного хозяйства». Но для того, чтобы отважиться на столько резкий поворот, фактически означавший смену мировоззренческих установок, надо было убедить общество расстаться с социализмом и доказать то, что другого пути нет и что допущение рынка и частной собственности не повлечет потерь в социальном обеспечении, не отнимет у людей тот минимум благ и безопасности, коими они располагали.

Как отмечал позднее Шахназаров, в тех трагических условиях «Горбачев дозревал медленно». «Ближний круг» делал все, чтобы их «шеф» дозрел до радикальных изменений своих идеологических взглядов. В начале президент и слышать не хотел о частной собственности, считал возможным создать рыночное хозяйство со свободно конкурирующими государственными предприятиями и кооперативами. Особенно он противился частной собственности на землю. Под нажимом ближайших помощников и радикальных советников-экономистов (С.С.Шаталина, Н.Я.Петракова,

Г.Я.Явлинского и др.), после долгих споров, в политических документах, а затем в законах проходили формулы – сначала об «общественной и других формах собственности», а потом «всех формах собственности», в конце концов – «всех формах собственности, в том числе частной собственности».

Надо признать, что Горбачев, несмотря на мощное давление «ближнего круга» и радикальных экономистов, не мог так запросто отказаться от идеологии и принципов перестройки (указанных нами выше), которая была им провозглашена в рамках социалистического выбора. Иначе это было бы явное предательство и главной идеи перестройки, и надежд советского народа. И в таком случае его уход с политической сцены случился бы раньше декабря 1991 года.

По своей природе наш «загадочный генсек» был все-таки эволюционистом, а не реформатором-экстремалом, как Ельцин, который ради личной власти, ради желанного Олимпа только в Кремле, не пожалел ни нас, русских, делавших веками державу, ни саму тысячелетнюю нашу великую Родину. Ведь, как оказалось, у Ельцина был готовый план трансформации России по самому радикальному сценарию уже к октябрю 1991 г., когда он дал задание нескольким своим особо приближенным и доверенным лицам подготовить отдельно друг от друга проект структуры «будущего правительства реформ». Один из них был Михаил Полторанин, который рассматривался на пост премьера, хотя в это же самое время на даче в Архангельском будущая команда младореформаторов во главе с Гайдаром всю делала свои наработки для ознакомления президента РФ.

По свидетельству Полторанина, Ельцин предложил ему познакомиться с этой командой, сказав при этом: «Мне эту команду порекомендовали друзья России». Он также раскрыл основные черты будущей реформы: «Роль государства в регулировании экономики должна быть сведена к нулю. Никаких ограничителей – только свободный рынок. Перед новым правительством будет поставлена задача перевести Россию в

кратчайшие сроки на американскую модель либерального капитализма. Пусть стихия рынка оставляет на плаву только сильных, конкурентоспособных». Когда потенциальный кандидат на пост премьера заикнулся, что в его проекте структуры правительства контрольные функции должны принадлежать Кабинету министров, Ельцин мгновенно отреагировал: «Контролировать буду я через свою Администрацию!»

Далее президент РФ предложил Полторанину изменить свою позицию и взгляды на приватизацию (Полторанин был против обвальная приватизации, стоял за постепенность в приватизации, при широком вовлечении в нее народа – Ю.Г.), сказав ему сакраментальные слова для убеждения: «Только избавьтесь от низкопоклонства перед народом. Молиться на народ и проводить радикальные реформы – две несовместимые вещи. Нашему народу нужна хорошая встряска – тогда он станет работать». К чести Михаила Никифоровича, он не изменил свою позицию и не принял предложение Ельцина.

Интересно было бы знать, а знал ли об ельцинском радикальном плане Горбачев? Если знал, то был обязан, как президент СССР, сообщить об этом советскому народу! Но он предпочел втихую согласиться и уйти в отставку добровольно, поняв бесперспективность своей позиции, доведенной им до политического абсурда.

К большому нашему сожалению, ни главный «сомневающийся эволюционист – мастер компромисса», ни его основной организатор экономической перестройки – «плачущий большевик», так и не сумели найти социально щадящий вариант перестроечной реформы, но в своем порыве завели страну окончательно в тупик.

Покинув почти добровольно высокие посты и уйдя с политической сцены, они тем самым частично сняли с себя ответственность за неуспехи экономической перестройки и провал перестройки в целом, то есть за развал

супердержавы, переложив ее на заговорщиков Беловежья.

Позднее Г.Х.Шахназаров рассуждал, что если бы в стране за два года до развала, началась реализация программы «500 дней», то «шоковая терапия» «по-Явлинскому» была бы для населения более щадящей в социальном плане по сравнению с радикальной реформой Гайдара. Как знать!

И тем не менее надо воздать должное Горбачеву за то, что до конца, до своей отставки президент оставался непреклонен по вопросу о частной собственности на землю, считая его решение только референдумом, поскольку данный вопрос кардинально затрагивает народную судьбу и только сам народ вправе его решать. В этом он был, естественно, прав. Однако, сразу же после его ухода в отставку в постсоветской России будут приняты законодательные акты о праве собственности на землю, наследовании ее и в конце концов – купли-продажи земельных участков. Будут приняты указы Президента России, изданы всевозможные инструкции, проведена мощная пропагандистская кампания и реализованы в кратчайшие сроки и приватизация, и демонополизация «вся и всех по Гайдару». Это случилось потому, что не партии, а все общество было расколото на правых и левых, а народ не протестовал потому, что порядком устал от политиканства «верхов», хотя на протяжении 1990-х гг. опросы общественного мнения показывали почти равное распределение среди населения «за» и «против» частной собственности и приватизации.

Попытки президента СССР остановиться на полпути, усидеть на двух стульях – генсека и президента – сыграли с ним роковую роль. Правильно подметил Сенчагов, «политическое руководство в лице М.С.Горбачева, озабоченное растущим социальным недовольством различных групп населения, уличными протестными акциями, вело сложные политические маневры на разных флангах политической борьбы». Что, по моему мнению, привело к провалу задуманной экономической перестройки и развалу страны.

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

Торпедирование эволюционных действий Горбачева по перестройке, и особенно в сфере экономики, со стороны российских оппозиционных политических кругов работало с самого начала, конечно, на развал союзного Центра.

За два года до гибели Советского Союза в стране происходили события, которые уже непосредственно сигнализировали о реальной опасности развала страны. Одним из таких событий стало провозглашение государственного суверенитета Российской Федерации 12 июня 1990 г., верховенства российских законов над союзными, что придало сильнейший импульс центробежным тенденциям. Эти решения, по существу, легализовали бытовавшее в России обывательское мнение будто Российская Федерация находится в неравноправном положении среди союзных республик, что ее попросту обижают, что Россия их кормит, снабжает даровым сырьем, а сама нищает. Поэтому, освободившись от «союзного бремени» и проведя быструю и радикальную реформу, Россия якобы стремительно пойдет по пути процветания. Эта ложная в своей основе концепция стала платформой, вокруг которой сомкнулись политики, поставившие своей главной целью – ликвидировать союзный Центр и взять в свои руки всю полноту власти в России. Позднее это было оформлено в виде некоего документа, который в московских «коридорах власти» появился в виде конфиденциальной «Записки Шахрая-Бурбулиса». Ее авторы позднее также стали главными разработчиками документов Беловежского сговора.

Нарастание оппозиционных действий Верховного Совета РСФСР против союзного Центра привело к тому, что в конце 1990 г., как уже говорилось выше, был упразднен Совет Министров СССР с отставкой Н.И.Рыжкова и его министров-эволюционистов. На его месте был образован Кабинет министров СССР во главе с опытным управленцем В.С.Павловым, но уже для решения других задач. Как отмечалось выше, он обязался вывести страну из управленческого хаоса и добиться стабилизации положения в экономике.

Предложенные меры мало что изменили в тогдашней кризисной ситуации. По словам Яковлева А.Н., до конца президентства М.С.Горбачева по-прежнему «вокруг экономики танцевала болтовня».

По признанию В.К. Сенчагова, правительственный курс Павлова, если оценивать его приверженность рыночным и демократическим принципам хозяйствования и управления – это был уже иной вектор развития. В этом он убедился, когда предупреждал главу Кабинета министров СССР от грядущей опасности в связи с принятием решения о проведении либерализации цен по радикальному варианту. Сенчагов выступал за постепенную либерализацию цен, по мере создания товарных рынков. Из его обращения к В.С. Павлову, которое включено в книгу, следовало, что необходимо учитывать следующее обстоятельство: «дефицитную несбалансированную экономику нельзя было бросать в лоно свободного рынка. Нужно постепенно использовать методы государственного регулирования, исправлять структуру экономики, диверсифицировать производство, увеличивать емкость рынка и синхронно переходить к свободным ценам». При этом он приводит пример Китая, где реформа цен заняла более 10 лет. Как показали дальнейшие события, оценки и прогнозы Сенчагова об угрозе роста потребительских цен более чем в 26 раз оказались верными. Но Гайдар, вероятно, зная об этом, но не нашел ничего лучшего, чем начать свою реформу с единовременного перехода к свободным ценам.

СОЦИАЛИЗМ С КИТАЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

В своей книге Сенчагов утверждает, что наглядным примером проявления догматизма и экстремизма со стороны российских ультралибералов является их принципиальный отказ признавать социализм *как современную конкурентоспособную систему*. По словам автора книги, «всякие отсылки к успешному 30-летнему опыту экономических реформ Китая принимаются в штыки». Поддерживая его точку зрения, при этом следует заметить, что, конечно,

каждый по своему может ответить, на первый взгляд, на простенький вопрос: «Почему социализм в Китае живет и процветает, на Западе не привился, а в СССР рухнул?»

Как исследователь экономической реформы в Китае, не раз побывавшей там с лекциями по приглашению высшего руководства страны, Сенчагов В.К. неудобен нашим ультралибералам со своим ответом: «Китай сумел совместить в своей модели рыночного хозяйства ряд преимуществ социализма и активно использовать весь накопленный арсенал товарно-денежных инструментов, которые сформировались в процессе эволюции капитализма. И сколько бы нас не убеждали сторонники рыночного фундаментализма, что китайская модель имеет авторитарную основу, мы знаем ее результаты. Китай все более доминирует в глобальном мире благодаря успехам в экономике, а более миллиарда людей имеют работу и их жизненный уровень непрерывно повышается». Добавим от себя, что когда осенью 2008 г. почти весь капиталистический мир погряз в очередном экономическом и финансовом кризисе, включая Россию, и все страны претерпели серьезный хозяйственный спад, Китай почти не сбавив темпы, по-прежнему развивался с 8% ВВП в год (и еще Индия, где, по примеру Советского Союза, активно используется стратегическое планирование и жесткое государственное регулирование экономики; ее темпы на пике мирового кризиса показывали 6% ВВП в год).

Автор книги далек от того, чтобы считать китайскую реформу эталонным образцом, которому следует полностью подражать. Но несомненно то, по его словам, что и нам бы не грех поучиться у китайцев, что при наличии, как и в любой другой стране, многих сложных проблем китайцы опираются на свои традиции и создают такую своеобразную рыночную экономику, которая постоянно адаптируется к новым вызовам, с четкой целью завершить модернизацию общества к 2019 г. – целью, особо подчеркнем, мобилизующей волю народа.

Авторитетный специалист по Китаю, кадровый разведчик ГРУ Андрей Девятов, проработавший в стране тридцать лет конкретизирует ответ Сенчагова на вопрос, в чем заключается успех реформы нашего восточного соседа, начавшейся после принятия курса по реформированию социализма в декабре 1978 года. Он отмечает: «В ходе реформ китайское руководство преследовало национальные интересы, и в целом картина социализма с китайской спецификой сейчас выглядит так: Китай, не потеряв национальный азиатский облик и культурную уникальность, преодолел отсталость и набрал силу, а люди стали жить лучше».

Для нас представляет интерес наблюдение А.Девятова о том, что во время реформ «Китай не тронул комплекс неполноценности социалистической системы, психологически навязываемый Западом через «права человека». И далее китаевед делает примечательное умозаключение: «Имея такие пороки «вестернизации» в ходе реформ в Китае, как рост безработицы, преступности и имущественного расслоения, со временем все большее число людей в КНР будет понимать, что главное для них – не абстрактные «права и свободы», а общественная стабильность и что для Китая нет пути, основанного на компромиссах и уступках, к которому призывают либерально-буржуазные элементы».

Как востоковед и аналитик, А.Девятов дает также ответ на интересующий нас вопрос, как будет выглядеть «социализм с китайской спецификой тогда, когда цели реформы будут достигнуты? Для него, как специалиста, оказывается, ответ очевиден: «Китайское общество на материке в городах будет похоже на нынешние Гонконг и Сингапур». По мнению китаеведа, Гонконг и Сингапур – это модель развития Китая, который обладает протяженным тихоокеанским побережьем, дающим значимые экономические выгоды морской державы.

Для нас представляется очень важным и интересным замечание А.Девятова, что главными критериями успеха

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

реформ, начатых по инициативе Дэн Сяопина, были «стабильность, наращивания и мерная поступь модернизации». Удивляет то, что подобные лозунги и слова мы постоянно слышим в России с 1985 г., а дела наблюдаем в Китае!

Чтобы не нарушать стабильность китайского общества, в стране не ослабляется регулирующая роль государства. Вот здесь и кроется «корень зла» для российских реформаторов. Они в упор не видят социализм с китайской спецификой, упраздняют у себя дома многие ключевые функции государства в экономической и социальной сферах, переориентируют их на принципы свободного функционирования в условиях стихии рынка, всецело уповают на частный капитал, который предполагается наделить ответственностью за судьбу российского общества. А где же государство, какова его роль, кто будет отвечать за разрастание «оффшорной аристократии»? Они сами себя воспроизводят. А может это результаты экономической политики государства, криминального сращивания государственных чиновников государственного аппарата с олигархатом?

Хотя мы все должны знать и помнить, что еще в XIX в. экономист и философ Н.Г.Чернышевский квалифицировал тех, кто выступает за упразднение государственного вмешательства в экономические отношения и полнейшую свободу частной собственности, как экономистов отсталой школы.

Сенчагов с сожалением и тревогой отмечает, что когда в обществе наблюдается откровенное гонение социализма, как социальной системы, при котором сильна роль государственного регулирования экономики, с одной стороны, а с другой – доминирование рыночного фундаментализма и экстремизма, то такая ситуация резко снижает творческий потенциал как внутренней, так и международной дискуссии. Как автор многих теоретических и научных статей и книг, он считал и считает, солидаризируясь с рядом отечественных и зарубежных экономистов, в их числе Джон

К.Гелбрейт, В.Леонтьев, что можно на основе использования преимуществ разных социально-экономических систем – капитализма и социализма – создать новую современную социально-экономическую систему, своего рода «социокапитализм» или «плановый капитализм».

Попытки в исследовании проблем возможной конвергенции двух систем делались и в советское время нашими академиками. Сенчагов обращает внимание читателя на научные работы академика В.С.Немчинова, который ввел в научный оборот еще в 1964 г. термин «хозрасчетное планирование», близкое по существу «экономическому планированию», применяемому в Японии. В дальнейшем широкое развитие получил термин «постиндустриальное общество». В 1984-1990 гг. стал употребляться другой термин – «капитализация социализма», что предполагало активное использование товарно-денежных инструментов. В бывших социалистических странах довольно активно пропагандировался еще один термин – «рыночный социализм».

Как сетует Сенчагов, «экономический детерминизм, идеализм и жесткость логических построений в ущерб реалистичности анализа ситуаций, недоучет факторов политического противоборства групп, выражающих прямо противоположные интересы, сыграли злую шутку – социалистическая система хозяйствования дала трещину, которая привела к гибели великой державы».

В новой России всегда было в моде сочетать рыночный фундаментализм и экстремизм с поиском «темных страниц» советского прошлого под барабанный бой борьбы, например, со Сталиным под лозунгом десталинизации. Это и понятно нам, исследователям. Ведь, Гайдару и его наследникам надо было чем-то крыть и защищать выбор для страны самой пагубной экономической модели в мире. Насколько мне известно, подобную модель и соответствующие методы ее внедрения активно использовал только чилийский диктатор Аугусто Пиночет, добившийся известного «чилийского экономического чуда», но при откровенном геноциде несогласных с

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

ним соотечественников. Правда, его главный советник, американский экономист Милтон Фридмен получил в 1976 г. Нобелевскую премию за свою монетаристскую модель.

Естественно, такой подход к прошлой экономической истории со стороны «верхов» серьезно сдерживает научные исследования отечественных ученых. Совершенно прав, конечно, Сенчагов В.К., что «в этом состоит одна из причин отсутствия глубокого анализа практики перестройки, ее сильных и слабых сторон, крушения и последующей трансформации». Прошлый опыт (и в теории, и практика) управленцам России, как оказывается, совсем не требуется.

Спрашивается, почему? По какой причине и в чьих интересах?

КАПИТАЛИЗМ С РОССИЙСКОЙ СПЕЦИФИКОЙ

После развала Советского Союза в постсоветском пространстве приказала долго жить социалистическая система хозяйствования. В новой России стала создаваться ускоренными темпами (чтобы не вернулись к власти коммунисты, как утверждали Гайдар и Чубайс) новая политическая и социально-экономическая система капиталистического типа. За двадцать с лишним лет эта система так и не показала своей эффективности на российской почве. Джозеф Стиглиц относит ее к разряду «экстремистских стратегий проведения реформ», в основе которых используется «шоковая терапия» столь позорно провалившаяся в России».

Сегодня, как главный результат реализации отмеченной стратегии Российская Федерация терпит чрезмерные социальные издержки - массовое вымирание коренного населения и резкое снижение рождаемости, прежде всего, среди государствообразующего народа, составляющего опорный стержень государственности тысячелетней России. Так, если на последние 20 лет советского периода (1970-1990гг.) прирост населения составил 17 млн. человек, то последующее двадцатилетие (1991 – 2011гг.) показало его сокращение на 16,4 млн. россиян. Рост смертности стал стремительно опережать рост

рождаемости. При таком развитии событий каждые двадцать лет население России будет сокращаться на 15 млн. человек. Спрашивается, для кого и ради чего мы проводили реформы? Что толку, если со временем мы достигнем нулевой инфляции, будем поддерживать профицит бюджета, сохранять устойчивым валютный курс, но не будет населения страны?

Нищета и бедность нашего населения усугубляется проблемой чрезмерного социального и имущественного расслоения, принявшего за годы реформ крайне болезненные формы, которых не наблюдается ни в одной цивилизованной стране мира. Например, в СССР различие в доходах 10% верхних и нижних слоев населения не превышало соотношение 5:1. В новой России средний доход беднейших слоев в 30 раз меньше среднего дохода богатых, а в Москве в 50 раз (а по некоторым оценкам – даже в 90 раз). Тогда как в странах ЕС этот разрыв составляет 7–10 раз, в США – около 15 раз. В Белоруссии – в 5 раз.

Россия, втянувшаяся сначала в пагубную горбачевскую перестройку, а затем с 1990-х годов – при Ельцине–Гайдаре – в бесплодные, разрушительные реформы, вполне может упустить свой шанс выживания в глобализирующемся мире, так как наше государство вот уже больше четверти века действует неадекватно вызовам постиндустриальной эпохи. Исследователи Института прикладной математики им. М.В.Келдыша РАН, занимающиеся в том числе компьютерным моделированием будущего, на основе анализа нынешней ситуации, когда Россия обладает 30% всех мировых природных богатств, в ее доля в глобальном валовом продукте составляет только около 3%, делают не радужное для нас заключение: «Такая страна не может жить долго».

До начала горбачевской перестройки наша страна имела вторую экономику мира, составлявшую примерно 60% американского ВВП, и примерно в 5 раз превышала китайскую. Нынешняя российская экономика составляет 6% американской и 1/5 китайской, то есть за последние двадцать семь лет «экономический слон» скукожился до

размера «моськи». Почему, задают наши люди вопрос, после страшной сталинской коллективизации, проведенной за 5 – 6 лет (а это как раз время равное периоду перестройки), в стране «жить стало лучше, жить стало веселей» (Сталин И.В – Ю.Г.), а почему же этого не произошло ни в результате горбачевской перестройки, ни в ходе гайдаровских реформ, ни теперь – при в 100 раз больших ресурсах?

Сегодня, сравнивая итоги перехода к рыночной экономике СССР, России и Китая, можно только сожалеть, что у нас в стране не нашлось национально-ориентированных лидеров масштаба Дэн Сяопина, у которого имелся реальный план китайской перестройки. Китайский лидер не только не дал разграбить свою страну ни местным, ни иностранным проходимцам, но жестко действуя в национально-государственных интересах, поставил заслон местному ультралиберализму, подавил в интересах государства и большинства народа выступления мятежников на площади Тяньаньмэнь в Пекине в ночь на 4 июня 1989 года.

Напомним читателю, что тогда все начиналось в середине мая того года под визит в Китай главного перестройщика ортодоксального социализма на «общечеловеческий лад», разрушителя стержня системы – власти партии М.С. Горбачева. В ходе его визита тогда состоялось официальное восстановление советско-китайских отношений (15-17 мая 1989г.).

Решительные действия властей по пресечению либеральных выступлений в ходе действительно исторического визита советского лидера предпринимать было никак нельзя из-за соображений «потери лица». Наведение порядка произошло позднее.

По официальным данным, во время проведения этой акции со стороны войск погибло больше тысячи солдат, а бунтарей – на порядок больше. Как пишет А.Девятов, который был в это время в Пекине, «пусть даже при усмирении бунта погибло 10000 человек, но в масштабе громадного населения Китая, это настолько мало,

что значительная по европейским меркам цифра меркнет перед возможным числом лавины жертв и несчастного народа в случае распространения в стране хаоса и анархии». Все это мы хорошо знаем: проходили и испытали в СССР при Горбачева, и при Ельцине – с расстрелом российского парламента и проведением дикой приватизации, то есть с обратным результатом.

Таким образом, следует воздать должное Дэн Сяопину, который спас Китай от развала подобно СССР и направил страну по правильному пути, то есть в национально-государственных интересах абсолютного большинства своего народа. А теперь наш восточный сосед занимает лидирующие позиции в мировой экономике и не перестает всех удивлять своими феноменальными успехами в развитии национальной экономики. На наш взгляд, это и есть ответ на вопрос, почему российские ультралибералы не признают эволюционный опыт социализма с китайской спецификой.

Вместе с гибелью Советского Союза в конце 1991 года изменилась сущность экономической реформы, проводимой уже в пределах уменьшившейся территории новой России. Как пишет Сенчагов, дополняя уже цитировавшегося Е.М.Примакова, «центральное место в ней заняли даже не интересы разноликого корпоративного сообщества предпринимателей и банкиров, малого и среднего бизнеса, а интересы олигархических групп, которые находились под особым (за мзду) покровительством власти».

Олигархический капитализм, обращает наше внимание Сенчагов, кроме сращивания власти и бизнеса, характеризуется следующими чертами: несправедливая приватизация национального богатства страны; несправедливое распределение доходов в целом в обществе, а также внутри корпораций и банков; использование инсайдерской информации в процессе движения капитала на фондовом рынке; купленные за деньги финансовый контроль и аудит». По-видимому, здесь

мои комментарии излишни; читателю и так все до предела ясно.

В ОЖИДАНИИ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ МОДЕЛИ

Итак, мы проанализировали основные научные воззрения В.К. Сенчагова на те экономические реформы, которые пытались реализовать в нашей стране в течение последних четырех десятков лет. Главный рефрен его теоретических рекомендаций – это упор на социальную ориентированность экономической модели развития, которую следует избрать России, чтобы наконец преодолеть внутренний разброд и шатания, перейти от разъединения к консолидации нашего общества с понятной для всех объединяющей идеей – спасения Отечества, а также внедрения механизма государственного и общественного контроля за властью и осуществляемой ею «рыночной перестройкой» для того, чтобы рыночное хозяйство, освобожденное от излишней коррупции и диктата олигархов, функционировало эффективно в национально-государственных интересах.

То, к чему призывает В.К.Сенчагов, имея твердые убеждения и стойкую гражданскую позицию – нелегко осуществить в сегодняшней России. И об этом свидетельствует наш следующий краткий экскурс в историю данной проблемы, о том как тяжело вызревает в ученых и политических умах, казалось бы, объективная потребность в новом запуске экономической реформы на совершенной иной основе – подлинно демократических принципах и христианских ценностях, о чем неумолимо ратует автор впечатлившей нас книги.

Мне часто вспоминается эпизод моей биографии, имеющий прямое отношение к нашему повествованию. Осенью 1992 г., когда мы уже работали в «Горбачев-фонде», а по городам России и улицам Москвы уже толпами шатались безработные «дорогие россияне» (первый показательный результат дикой приватизации по Гайдару-Чубайсу), руководство фонда попросило меня прочитать курс из 10 лекций для топ-менеджеров

«Самсунга». Они тогда пришли в Россию завоевывать наши рынки; незадолго до этого были установлены дипломатические отношения с Южной Кореей после исторического визита М.С.Горбачева в эту страну.

Когда были прочитаны лекции и состоялась беседа, я был буквально потрясен вопросами и мнением южнокорейцев по нашей перестройке и, особенно, по начавшейся гайдаровской трансформации. Мне было сказано следующее: «Что же вы сделали со страной, которая была супердержавой и неважно, что она была социалистической или капиталистической, но ее уважали в мире, а мы в Южной Корее – ваши последователи и достигли самого современного уровня развития благодаря использованию вашего опыта по переходу из отсталого феодального общества, в полностью аграрной стране? Тогда американцы не хотели нам помогать, когда оккупировали нашу страну после Второй мировой войны. Поэтому мы вынуждены были, как и в Советском Союзе, изымать жесткими методами прибавочный продукт из наших крестьянских хозяйств, чтобы продавать его за рубежом и использовать для развития индустриализации.

Как и в СССР, мы внедрились в систему управления стратегическое планирование с использованием всего арсенала государственного регулирования экономики. В ходе нашей индустриализации мы полностью скопировали ваш опыт поэтапного развития системы образования населения: бесплатное, сначала обязательное 4-х классное образование, потом бесплатное неполное среднее, бесплатное среднее, затем высшее и наконец, бесплатная аспирантура и докторантура для наиболее способных студентов.

Все знают, что Южная Корея занимает первое место в мире по количеству студентов на 10 тыс. человек населения. Инвестиции в человеческий фактор – одна из основ успешного развития Южной Кореи, как это было и в СССР.

После трансформации страны из феодальной в индустриальную мы отдали долги крестьянству, вложив немалые деньги в подъем нашего сельского хозяйства и добились самообеспечения основными продуктами питания, то есть обеспечили продовольственную безопасность нашего населения».

После краткого рассказа южнокорейцев об экономической истории своей страны мне и был задан окончательный вопрос, почему теперь отвергнут полностью советский опыт строительства в России, забыты и дискредитируются тяжкие испытания прошлых поколений, создавших передовую державу, зачем весь этот хаос в политике и экономике, поставивший на край пропасти многомиллионный, образованный и квалифицированный народ.

«Вы, что дураки?» - прозвучало по-английски, на котором читались лекции и велась беседа, и поэтому мне было не так обидно, но такого стыда за державу в своей жизни я больше никогда не испытывал. Проработав за рубежом около десяти лет, я почти везде слышал только восхищения нашей страной. Находясь в г.Дели на стажировке по докторской диссертации в конце 1980-х гг., я был буквально потрясен плачем сентиментальных индийцев по поводу намечившегося развала Советского Союза, в котором они видели защитника и реального помощника в создании индустриальной базы Индии.

К слову, упомяну об уровне советского высшего образования, которое сегодня уже развалено также до крайнего предела. Констатирую, что за время участия в дискуссионных спорах на научных конференциях и у нас, и за рубежом, я ни разу не проиграл ни американцу, ни англичанину, ни немцу, ни французу, ни «прочему шведу».

«Горбачев-фонд» имеет полное название «Международный фонд социально-экономических и политологических исследований» и был учрежден на месте Фонда социально-политических исследований, который был учрежден указом президента СССР 26 августа 1991 г. в качестве исследовательского

и консультантского учреждения при главе союзного государства.

По словам Михаила Горбачева, когда Ельцин подписывал российский указ о создании «Горбачев-фонда», то спросил: «Что это будет? Оппозиционная партия?» Горбачев ответил: «Нет, это будет научно-исследовательский фонд, как существуют подобные фонды в западных странах». Ельцин порекомендовал убрать из первоначального названия фонда слово «политических» на «политологических». Позднее я понял опасения нового хозяина Кремля, который не терпел никакой оппозиционности, тем более критики начавшейся в России радикальной экономической реформы.

С первых дней своего существования, в научных исследованиях «Горбачев-фонда» участвовали как свои кадровые эксперты, так и большое число приглашенных ученых из РАН и из-за рубежа (в том числе экономисты Леонид Абалкин, Степан Ситарян, Олег Богомолов, Станислав Меньшиков, политологи Анатолий Бутенко, Дмитрий Фурман, Александр Ципко и другие известные исследователи), видные представители творческой интеллигенции, такие как драматург Виктор Розов, а также видные деятели из новых демократов типа Гавриила Попова, Юрия Афанасьева, Юрия Карякина и др. Большинство участвовавших экспертов в «круглых столах» анализировали ход гайдаровских реформ и подвергали их жесткой критике, причем даже те приглашенные деятели, которые относились тогда к ельцинскому лагерю.

Мой отдел, подчинявшийся непосредственно вице-президенту фонда А.Н.Яковлеву, был ответственным за подготовку, редактирование, выпуск в свет и распространение аналитических материалов фонда в рамках издательства «Апрель-85» (название которого придумал «главный архитектор перестройки» и мне поручил оформить издательство официально в российских структурах).

СТРАТЕГИЯ РАЗВИТИЯ

#01 - 2012 / ГЕОПОЛИТИКА

С самого начала работой фонда стал пристально интересоваться непосредственно Кремль. Один из наших политологов, я это знал, «носил в клюве» фондовские материалы Г.Бурбулису – тогдашнему госсекретарю ельцинской администрации. Как отмечал позднее в своих мемуарах Г.Х.Шахназаров, «у Ельцина и его окружения был какой-то панический страх перед тем, что наше учреждение может стать, если не оппозиционной партией, то, своего рода, якобинским клубом, под крышей которого будут собираться все недовольные». Наряду с исполнением установки «давить Горбачева политически» новые кремлёвцы алчно присматривались и к зданию фонда на Ленинградском проспекте, 49.

8 октября 1992 г., отправившись, как всегда, утром на работу, мы были удивлены тем, что здание фонда было оцеплено милицией, которая никого не пропускала внутрь. Вокруг ревели толпа «подогретых» рабочих одного из ленинградских заводов, которых привезли в Москву утренним поездом и сказали, что Горбачев укрывает в фонде партийную кассу, а народ голодает.

Вакханалия вокруг фонда продолжалась, а затем был нанесен главный удар – росчерком пера Ельцин отнял у фонда здание, обязав нового владельца выделить нам 800 кв. метров площади с соответствующей арендной платой. Наше служебное место занял в то время малоизвестный финансовый институт, выпускники которого в этот момент доминировали в ельцинском правительстве (Федоров Б.Г. и другие). Институт с таким солидным зданием, отобранном рейдерским захватом, в одно мгновение превратился в Финансовую академию при правительстве России.

Сильно ужавшись, фонду пришлось изо всех сил бороться за существование, но он продолжал исследовательскую работу. Именно тогда в умах серьезных экономистов и политиков укрепилась позиция о необходимости нового старта экономической реформы в России.

Странное и страшное было это время. Мы – научные исследователи были больше в шоке даже не от «шоковой

терапии» Гайдара, а от того, как запечатлел этот период российской истории Г.Х.Шахназаров, что «вынырнувшие из небытия, не отличавшиеся особыми дарованиями младшие научные сотрудники, оказались в положении хозяев богатейшей страны мира и ринулись жадно расхватывать собственность и власть», породив таким образом олигархический капитализм.

В те лихие 1990-е гг. мало кто из ученого сообщества отваживался критиковать гайдаровскую реформу и навязанную им стране неолиберальную экономическую модель, а тем более – главных действующих лиц формировавшегося олигархического клана. Тем более, насколько мне известно, существовала негласная установка, спущенная «сверху» в редакции научных журналов и СМИ, пресекать всякую попытку «дискредитации» действий молодых российских реформаторов.

Не послушались тогда запрета, естественно, в первую очередь, иностранные журналисты и авторитетные западные экономисты. В 1996 году известный итальянский журналист, ныне член парламента Евросоюза Джульетто Кьеза выпустил в свет знаменитую книгу «Прощай Россия!». Из трех выпусков его книги большая часть была «кем-то» выкуплена и по-видимому уничтожена, так как содержала подробности «приватизации по-русски» и переизбрания на второй срок тяжело больного президента Ельцина.

Затем англичанин русского происхождения Пол (Павел) Хлебников, главный редактор русского издания журнала «Форбс» выпустил в 2001г. сенсационную книгу под характерным названием «Крестный отец Кремля Борис Березовский или история разграбления России». К большому несчастью, через несколько месяцев после выхода книги в свет автор был расстрелян на улице в Москве.

Из российских ученых только, главным образом, маститые академики-экономисты из Российской Академии наук (правда достаточно политкорректно) высказывали мысль, что «экономические реформы в России

нуждаются в новом старте для того, чтобы имелась возможность создать благоприятную среду как для предпринимателей, так и наемных работников, а также консолидировать общество и раскрепостить его энергию».

С таким же обращением к российским властям в 1993 г. обратилась целая группа отечественных экономистов (Л.Абалкин, Г.Арбатов, О.Богомолов, В.Ивантер, Д.Львов, С.Ситарян, С.Шаталин, Н.Шмелев, Н.Петраков, В.Макаров, Ю.Яременко и др.) при поддержке ряда крупных ученых-экономистов США (Маршалл Голдман из Гарвардского университета, лауреаты Нобелевской премии по экономике Лоуренс Кляйн, Франко Модильяни, Дуглас Норт и др.) которые были также озабочены ходом и характером российских реформ, снижением роли российского государства в экономике. Обращение ученых имело название «Новая повестка для экономических реформ в России. Государство должно взять на себя основную роль в стабилизации подъема страны». Авторы этого документа – 45 ведущих ученых России и США – предлагали альтернативу гайдаровским реформам. Беспрецедентная акция международной солидарности ученых была жестко отвергнута Ельциным и его окружением.

Сенчагов также не остался в стороне и, внутренне переживая противоречивый ход гайдаровских реформ, наблюдая антисоциальную направленность методов «шоковой терапии» навязанных России, в 1993 г. выступил с первой своей статьей «Экономическая реформа в России. Теория, практика и перспективы», которая теперь вошла в книгу (См. главу 18). В силу отмеченных выше причин, как мне показалось при изучении статьи, она не содержала обстоятельной критики тогдашнего этапа экономической реформы. В ней был проанализирован переход от ранее обозначенных целей реформы, определены ее движущие силы, прослежены возможные механизмы выправления тогдашней сложной ситуации в российской экономике.

Уже тогда Сенчагов считал, что «выход из этой ситуации может быть найден в

новой программе национального возрождения России, сочетающей элементы рыночного хозяйства с просвещенным государственным регулированием». Как справедливо утверждал тогда автор, «и рынок, и государственное регулирование должны стать способом реализации национальных целей России: с одной стороны, свободный человек за свой труд должен быть способен экономически содержать себя и свою семью, а с другой – сильное национальное государство должно быть способно защищать свои интересы».

Эту творческую мысль, судя по его книге, Сенчагов пронес через всю свою дальнейшую научную жизнь и она, по его мнению, является основополагающей для реформы любой экономики (при социализме или капитализме) и по-прежнему востребована современными тенденциями развития.

Поэтому серьезные отечественные экономисты-ученые, получив поддержку из-за рубежа от своих американских коллег, как было отмечено выше, и выступили со специальным обращением к ультралиберальной российской власти, которая не захотела услышать их призывы и понять их озабоченность судьбой гибнущей страны. Однако, как и Сенчагов со своими рекомендациями, они не получили никакой поддержки и не встретили должного понимания. Рыночные фундаменталисты, доминирующие у нас по-прежнему с гайдаровских времен, этого не приемлют. Их, как заметил Абалкин, вполне устраивает «делать реформу для богатых», и чтобы при этом об этом меньше писали и говорили, особенно специалисты-экономисты из другого лагеря.

Догматизм и экстремизм рыночных фундаменталистов-ультралибералов сдерживает не только внутреннюю дискуссию российских ученых о дальнейших путях развития России, но и наносит ущерб ее интеграционным устремлениям в пространстве СНГ и даже участию РФ в строительстве Союзного государства вместе с Белоруссией. Например, работая в аппарате Исполкома Союза

Белоруссии и России (1998-2001 гг.), мне пришлось консультировать команду двух президентов по разработке Договора о создании Союзного государства, который был заключен 8 декабря 1999 года. При этом приходилось воочию наблюдать, как выхолащивался российской стороной интеграционный стержень предстоящего многостороннего сотрудничества с неудобным союзником.

А когда я подготовил докторскую диссертацию по проблемам экономической безопасности Союзного государства, мне были созданы такие условия, при которых было невозможно выйти на защиту моего научного труда ни в Академии государственной службы при президенте РФ, ни во Всероссийской академии внешней торговли.

Некоторые, так называемые «ученые»-отморозки, обвиняли меня тогда в проповедовании панславизма и славянского национализма, хотя диссертация была посвящена экономической теме и включала проблемы сохранения и укрепления восточно-славянской цивилизации (Россия, Белоруссия, Украина), в том числе в рамках создания Союзного государства, перед напором экономической и политической экспансии со стороны англосаксов.

Мне экономисту-международнику пришлось защищаться в Диссертационном совете Института экономики РАН, председателем которого был директор института, академик Л.И.Абалкин. Его принципиальная позиция, проявленная во время моей защиты, а также научная поддержка академика С.А.Ситаряна, во многом способствовали моему успеху, за что я всегда буду с благодарностью вспоминать обоих наших знаменитых академиков – наших учителей. Особая признательность – коллективу Института экономики РАН, который поддержал меня в трудную минуту, а главное – мои научные воззрения.

У некоторых наших читателей вполне может возникнуть следующий вопрос:

«Может случайно была выпущена в свет замечательная и глубоко познавательная книга В.К. Сенчагова –

одного из последних мыслящих экономистов-могикан?» Наверно, автор верил и надеялся, что она кому-то понадобится, если не сейчас, то, я уверен, в самом ближайшем будущем. А иначе Россия сгинет! Дай Бог, чтобы прогноз наших коллег-математиков не сбылся, чтобы наше Отечество не повторило судьбу известной «империи зла», которой, наперекор ее недругам, мы гордились.

P.S. Честь и хвала Вячеславу Константиновичу Сенчагову за то, что он отдает должное советской экономической школе, ее многочисленным ярким и талантливым представителям, с которыми автору довелось встречаться лично, часть из которых у нас – менее мудрого поколения – были достойными учителями и наставниками.

Они навсегда останутся у нас в благодарной памяти, так как ушедшие в мир иной корифеи-экономисты научили нас не только как «делать науку», но и как любить Родину через научные познания. Книга нашего автора как раз стимулирует научную молодежь изучать наследие прошлого, чтобы лучше и правильно понимать настоящее и будущее страны.

Оставаясь идеологически приверженными идее создания справедливой социальной организации, наши учителя, являясь почти все, как один, учеными-гуманистами, делали все, чтобы своими знаниями и теориями усовершенствовать социалистическую систему хозяйствования.

Ведь они верили и считали, как верит и считает Сенчагов, и мы, его сторонники и коллеги, верим и считаем, как считал наш великий соотечественник Александр Зиновьев, что «коммунистическая социальная организация, взятая в абстрактном виде, является самой совершенной из всех логически мыслимых организаций».

Абстракция, как известно, у нас у русских, тесно связана со сказкой, в которой есть всегда намек и на правду. Все это имеется в книге автора – с намеком политической элите в первую очередь... «Воспримут ли актуальный призыв там, «наверху»? – вот в чем вопрос. А пора бы уже! ▲

АВТОР КНИГИ:

#01 - 2012 / ГЕОПОЛИТИКА

Сенчагов Вячеслав Константинович – родился в 1940 г., доктор экономических наук, профессор, вице-президент и академик Российской академии естественных наук (РАЕН, секция «Проблем макроэкономики и социального рыночного хозяйства»), академик Нью-Йоркской академии, Академии развивающихся рынков (Вашингтон), Международной академии менеджмента (Москва), один из ведущих экономистов и финансистов России, опубликовал более 300 работ, в том числе 22 книги, часть из них переведены в США, ФРГ, Китае и др. странах. В советской период работал в центральных экономических ведомствах (1982-1991 гг.), зам. министра финансов СССР (1987-1989 гг.), Председатель Государственного Комитета СССР по ценам (1989-1991 гг.). В новой России занимается в рамках РАН и РАЕН исследовательской работой в области формирования национальной финансовой стратегии, создания и совершенствования индикативной системы экономической безопасности, разрабатывает методологию формирования новой экономической модели для РФ. Биография В.К. Сенчагова размещена на сайте Президента России «Интеллектуальная элита России» (www.viperson.ru).

АВТОР СТАТЬИ:

Годин Юрий Федорович – экономист-международник, специалист по государственному регулированию рыночной экономики развивающихся стран Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. В 1973-2010 гг. работал в аппарате и научных учреждениях ЦК КПСС, в высших структурах государственной власти РФ. В 1991-1993 гг. – зав. научно-информационным и издательским отделами в команде М.С.Горбачева. По совместительству занимался научными исследованиями в Центре внешнеэкономических исследований РАН у академика С.А.Ситаряна.